

Мих шел третьим, после полицмейстера и господина, вновь облаченный в мундир и сапоги, без которых чувствовал себя уже неудобно. Орчук задумался о своем, потому чуть не налетел на двух доходяг, с трудом тащивших кованый сундук. Посмотрел на них полукровка, тяжел был ларь, того и глядишь бедолаги пупки надорвут. Кабы в другое время был, непременно помог, но от господина сейчас нельзя было отставать.

Поднялись в знакомом направлении, которое стало для орчука уже не таким пугающим – все же Его превосходительство хоть и горяч бывал в гневе (вспомнить только первое прибытие Муха с хозяином сюда), но человек деловой, с пониманием. Если в возмущение его не вводить, то и плохого ничего тебе не сделает.

Вот и теперь, не как обычно приветственно рукой в сторону кресла указал, больше того, сам навстречу выбежал, полицмейстера и титулярного советника под руки взял да к себе в кабинет привлек.

– Ну давайте, рассказывайте. А голубчика этого в дальнюю закройте, самую тесную. Такую теперь жизнь окаянному устрой, мало не покажется. Эх, жалко я бумаги все великому князю с Константином Никифоровичем отправил. Но ничего, мы этого Черного расколем, все равно нам зачтется.

– Я, к слову, уже вернулся, – появился в дверях первый полицмейстер, – по делу одному к себе в кабинет заходил. И что-то не увидел плененного, пока господа поднимались.

– Константин Никифорович, а окна вашего кабинета куда выходят?

– Как и у остальных, в Столешников переулок, – нахмурился Его высочайшее, – почему вас этот факт так интересует?

– Смотрите, – поднялся на ноги Меркулов и подошел к окну, – видите вон ту крышу. Это и есть тот самый дом, где жил Черный. Мы побеседовали с владельцем его квартиры, и тот сказал, что человек в плаще часто ходил на крышу. За что хозяину приплачивали. Ничем предосудительным он там не занимался, лишь смотрел на звезды из телескопа. По крайней мере, так объяснялся.

– Ну и к чему вы ведете? И где Черный? – Недоумевал Александр Александрович.

– А к тому, что никакого телескопа у Черного не было, а вот подозрительная труба, – Витольд Львович извлек золоченый цилиндр с зауженным основанием, явно морского назначения и, подойдя к столу, положил перед Его превосходительством, – была. Только очень трудно наблюдать за звездами из подозрительной трубы, да еще днем. А вот за обер-полицмейстерством, не за всем, только за верхними этажами, смотреть можно запросто.

– Ну и зачем ему за обер-полицмейстерством наблюдать? Да где Черный, в конце концов?! – Ударил по столу Александр Александрович.

– Ушел, через окно. Под обстрелом выбрался в переулок, потом на Краснокаменку, – нехотя принялся рапортовать Николай Соломонович, – оглушил Селиверстова и убил Подберезкина. Думаю, и сам не избежал ранения.

У орчука сложилось впечатление, что это не Черный умертвил опытного филера, а только что полицмейстер своими словами вогнал острый кинжал глубоко в сердце Его превосходительства. Александр Александрович, до того привставший из-за стола, тяжело плюхнулся в кресло и закрыл лицо двумя руками.

- Черный нас ждал, - вступился за своего компаньона по несчастью Меркулов, - когда мы ворвались, он жег бумаги. Его явно кто-то предупредил.

- Кто его мог предупредить? - Нахмурился обер-полицмейстер.

- Господин Меркулов довольно непрозрачно дал понять, что некто из полицмейстерства сотрудничает с Черным - подзорная труба, крыша, вид на наше ведомство.

- В моем учреждении никто не якшается с преступниками, - чуть ли не прорычал Александр Александрович.

- Извините, что опоздал, господа, отлучался по крайне неотложному делу, - блеснул в дверях оправой очков румяный полицмейстер, - что я пропустил?

- Витольд Львович считает, что у нас завелся предатель, сотрудничающий с Черным, - не меняя недоброго выражения лица, ответил Константин Никифорович.

- Не исключаю такой возможности, - отвечал Петр Андреевич, - я не говорю, что именно в этой комнате, но изменник может иметься.

- До сих пор не верю, - уперся обер-полицмейстер, - но даже если так. Как нам теперь этого искариота искать?

Вопрос явно был задан титулярному советнику, поэтому он и ответил.

- Пока не представляю. Важно теперь не упустить Черного. Необходимо перекрыть вокзалы и выезды из города.

- Ох, сил-то сколько придется выделить. Да прежде с великим князем побеседовать, - спал с лица Александр Александрович, - с другой стороны, действительно нельзя упускать Черного. Хоть он возможно и ранен, да опасен. Ладно, а ты Витольд Львович куда сейчас?

- В Императорский университет, надо к Галахову Виталию Арсеньевичу заглянуть, он может на кое-что пролить свет... Хотя нет, сегодня же выходной, тогда к нему домой. Он оставлял мне адрес.

- Галахов? Ну ничего себе, я уж думал он давно, прости Господи, преставился. Уезжал он надолго из Славии. Сдал сильно после смерти сына. Ну раз надо, так езжай. Ты, Николай Соломонович, ответственный за вокзалы и выезды. Про эллинги и аэропорты не забудь, чтобы ни одна живая душа у меня тут не выскользнула. Ты, Петр Андреевич, займись волокитой бумажной, ты в этом человек терпеливый. Ну а Константин Никифорович со мной. Давай, голубчик, готовь экипаж, я пока в уборную схожу. Стар стал совсем, пузырь, прошу за подробности, ни к черту. Ночью по пять раз встаю. Ну чего стоите, время не ждет.

Уже на улице, когда Меркулов ловил пролетку, орчук решил полюбопытствовать, чего же интересного может рассказать Галахов.

- Позже узнаешь. Но сейчас мы не к Виталию Арсеньевичу. Сначала заедем к Аристову, хотел кое-что у него узнать.

- А зачем же тогда не сказали, как есть?

- Ну сам подумай, Мих, - загадочно ответил Меркулов, усаживаясь в экипаж и называя

извозчику адрес.

- Так вы думаете, что там и был тот искириот? Один из полицмейстеров?
- Видишь, ты уже можешь сводить одно к другому.
- Но хоть не «гусар».
- Кто?
- Николай Соломонович. Я его промеж себя гусаром прозвал.
- А ведь действительно подходящее прозвище. С чего же ты решил, что не он предатель?
- Вы же сами давеча говорили ему лично, что на его счет сомнений не имеете.
- Так не сказать же ему в лицо, что подозреваю. Представится случай, и остальным полицмейстерам то же самое скажу. Может предатель слабину даст, на том его и поймаем.
- Зачем же вовсе о предательстве речевать было с ним?
- Так все равно одно к двум сводится. Не я сегодня сказал, кто-нибудь завтра. И необязательно невиновный. Может и сам предатель, чтобы от себя подозрения отвести. Так-то...
- Господин, только у меня просьба к вам одна, - неожиданно вставил орчук посреди разговора.
- Говори.
- Давайте хоть перехватим что поесть, ужно кишка кишке бьет по башке, мочи никакой нет.
- Ладно. Любезный, будь добр, через Людские ряды.

Людскими рядами, а в бытность государя Павла - Битыми, называли торговые ряды близ Кремля. Ранее здесь продавали битую птицу, потом зверей охотных, а после и всякую всячину. Вскорости из-за неблагозвучия Битые ряды превратились в Охочие, но в народе их прозвали попросту Людскими - ибо прочему сюда ход был заказан. Помимо разнообразных товаров - полезных и не очень (поговаривали, что на Людских рядах можно приобрести практически все) можно было купить здесь и еду вразнос. Чему именно сейчас Мих был чрезвычайно рад.

- С самого жару, по грошу за пару! Вались народ, от всех ворот, обирай блины, вынимай мошны!
- Подходи добрый человек, купи для друга калач! Не полюбится, сам съешь!
- Вот сбитень, вот горячий! Кто сбитню моего? Все кушают его: и воин, и подъячий, лакей и скороход, и весь честной народ!
- Пряник медовой из муки ситной, с имбирем, анисом, спиртом и водой!

Глаза у орчука разбегались, все хотел надкусить да в брюхо отправить. Завсегда знал, что нельзя в лавку кондитерскую или на ярмарку голодным ходить, слюной весь изойдешь. Или еще чего хуже - купишь всего, а откусишь два раза и баста, наелся то бишь, деньги потратишь глупым образом. Но сейчас не мог себя сдержать. Почитай со вчерашнего дня не кушал.

Благо, не отказывал ни в чем Меркулов, сам увлекшийся запахом гречневиков. Потому взяли по куску теплого еще пирога, по свежему калачу с большой ручкой, два внушительных свернутых куса ветчины на деревянной палочке по десять копеек, ворох пирожков в промасленной бумаге и жареной колбасы. Запивали все «кислыми щами». Хотел было Мих взять еще тут же, в квасной лавке у инвалида в сбитом набок картузе, провесную белорыбицу или вареную белугу, но вовремя остановился. Теперь это бы скушать.

- Худо, что так едим, господин, - зараз отправил в рот весь кусок ветчины орчук.

- Чем же тебе худо? Если еще что хочешь, бери, я препятствовать не буду.

- Так разве об том речь? - Нацелился сразу на два пирожка Мих. - Все вкусно, спору нет. Я так раньше не едал.

- Что же тебе не нравитша? - Откусил Меркулов большой кусок от калача.

- Худо, что едим редко, когда два раза в день, а обычно и один. Набиваем так брюхо, что вздохнуть тяжело. А кушать нужно понемногу и самым частым образом. Так на Славии, исконной земле, всегда заведено было. Кушали часто и понемногу, то сбитнем с киселем гороховым перекусят, то хлебом ржаным с компотом, редко когда отобедают плотно. И что, ни хворей, ни падучести всякой не было. А теперь мужик такой хлипкий пошел, что рукой двинуть не может, другой - больной всеми недугами.

- И все из-за неправильности питания? - Усмехнулся Меркулов.

- Из-за чего же еще, господин. Знамо дело, из-за дурной манеры кушанья. Вот и мы с вами в бесовство ненужное ударились. Гоняете вы меня по городу голодным, приходится потом за весь день кушать.

- Обещаю, как только дело закончится, будем обязательнейшим образом завтракать, обедать и ужинать. А теперь поехали. Ух, как посвежело, надо было сбитня горячего брать, а не кваса холодного.

Небо и впрямь с самого утра заволокло плотной пеленой, поднялся ветер, вырывающий мелкий сор из-под метел дворников, потянуло только намечающейся августовской прохладой. Духота уходила из столицы и жители Моршана наконец могли вздохнуть свободно, а не прятаться в самую жаркую часть дня по домам.

Потому и ехать в открытом экипаже, да после того, как сытно откушали, было своего рода отдыхом. Развалился Мих, смотрит ленивым взглядом, как мостовые и улицы друг друга меняют, изредка на господина поглядывает. Тот лишь вперед уставился, никуда особо не смотря, да тросточку бойко в руках вертит - знамо дело, задумался. Опять лихорадка умственная Витольдом Львовичем завладела. Не умел Меркулов от нее отвлекаться. С одной стороны, человек при деле, есть ему куда применить себя (многие и вовсе всю жизнь могут болтаться неприкаянными, оттого и горькую пить начинают), с другой - не может отвлекаться, радоваться простым житейским пустякам. Такие люди обычно горят ярко, да быстро.

За тем, в полном молчании и рассуждениях - каждый в своих - и добрались до «плохого квартала», где обитал Аристов. Снова орчук подивился неблагоприятности выбора места проживания - близ Сигаревского рынка или попросту Сигаревки редкий человек захочет селиться. В последние годы все больше люду простого в Моршан стало прибывать. «В столице больше денег можно заработать, чем землей», думали многие и шли на Сигаревку, где и происходил найм. На деле как оно оказывалось - ежели ты кузнец искусный или плотник с

золотыми руками, то без куса хлеба точно не останешься. А остальных, от сохи оторвавшихся да кроме ломовой работы, как Мих, показать не умеющих, ничего хорошего не ждало. И то, у орчука силища была необыкновенная, тем и брал, многие же попросту без найма сидели.

Что оставалось голодающим крестьянам? Воровать, грабить или другим лиходейством заниматься. Все они здесь, точнее чуть дальше, в двух кварталах, в бесконечном лабиринте коридоров и переходов, на скошенных и потрескавшихся лестницах, у насаженных друг на друга ночлежек всех мастей, куда даже полицейские лишний раз соваться не рискуют. Сигаревка она и есть Сигаревка, другого слова не надо. И вот тут, пусть хоть и на большой улице, живет если не самый первый, то точно не последний человек в Славии. Странно.

Встретил их Петр Мстиславович, только весьма презабавным способом. Сам выскользнул наружу и плотно закрыл за собой дверь. Точно не хотел, чтобы гостей его кто из домашних видел. А может сам опасался внутрь полицейских пускать.

- Приветствую, Витольд Львович, - несколько растерянно пробормотал рыжий дворянин.

- Добрый день, Павел Мстиславович, - улыбнулся Меркулов. - У меня к вам разговор.

- Если только короткий, мне надо кое-куда ехать, - снова обернулся Аристов на дверь.

- Он не займет много времени. Вы много знаете о господах полицмейстерах. Скажите, может, кто из них в последнее время нуждался в деньгах? К примеру, серьезно проигрался в карты?

- Такие интимные подробности не могу знать. В карты играет и проигрывается любой, тем более по вашему ведомству. Каждый знает, в обер-полицмейстерстве любят за зеленым сукном посидеть все, от коллежских секретарей до Его превосходительства. Кто в Славии играть не любит? Бывало, и сам грешным делом баловался. Это все, Витольд Львович?

От нетерпения Аристова орчук и сам стал нервничать. Посмотрел на руку дворянина и обомлел - кожа покраснелась, точно ошпаренную воду на нее вылили.

- А не скажете, кто бы мог поспособствовать моему интересу? Знакомств нужных еще не заимел, а беспокоить свое руководство по мелочам не хотелось бы.

- Конечно, - несколько успокоился Павел Мстиславович. Он даже улыбнулся, вновь став похожим на себя обычного, вытащил из внутреннего кармана визитницу, немного покопался в ней и протянул светлый прямоугольник. - Его зовут Большов. Скажите, что от меня.

- Большов - это фамилия, - посмотрел на визитку Меркулов, - как имя-отчество?

- Большов - это все. Человек с такими деньгами может обходиться без имени и отчества. Его каждый ростовщик и крупный игрок знает. Только учтите, Витольд Львович, что для него титулы ничего не значат. Поэтому будьте осторожнее...

- Отец, опоздаем! - Высунулась рыжая голова юнца, в котором Мих узнал того самого, что устроил скандал у великого князя.

- Уйди! - Посуровел Аристов, отвесил подзатыльник, после чего закрыл дверь.

- Что ж, не буду задерживать, вижу, что вы действительно торопитесь, - пожал руку титулярный советник аристократу, - на Мглинский вокзал едете?

- Да, - каким-то низким, совсем чужим тоном ответил Павел Мстиславович.

- Сына берегите, неровен час опять в плохую компанию попадет.

Витольд Львович обернулся к извозчику, который еще не успел отъехать и смотрел на эту сцену с нескрываемым любопытством, а орчук будто врос в землю. Потому что в этот самый момент на пальцах Аристова заплясали огоньки.

- Витольд Львович! - Голос дворянина не предвещал ничего хорошего, скорее уж наоборот. - Обождите минутку.

- Полноте, Павел Мстиславович, мне еще преступника надо поймать, а не за нашкодившими мальчишками бегать. Езжайте с Богом. Мих!

Против воли оторвался взор орчука от Аристова, сначала поклонился, глаз не отводя от скачущих по пальцам главы семьи магических язычков пламени, и повернулся. Ко всему был готов, точнее к смерти мучительной и долгой, но нет. Нетвердым шагом по пролетки дошел, внутрь взобрался, где Меркулов, делая вид, что ничего не происходит, уже наказывал, куда необходимо направиться.

Хлестнул извозчик сытую лошадь, тряхнула головой гривастая и запрыгали колеса по мостовой. Не утерпел Мих, десятка шагов не проехали, обернулся, посмотрел на Аристова. Тот стоял на том же самом месте, не сводя глаз с экипажа, вот только руки теперь были самые обычные - не в огне и краснотой подернутые.

- Господин, чего-то я не понял, - повернул он к Меркулову.

- Чего именно?

- Он нас сейчас... ну того... чуть не этого.

- У нас был некоторый риск умереть чуть раньше, чем хотелось бы, - признался Витольд Львович, - магия Аристовых очень мощная. Вряд ли я смог ей что-то противопоставить.

- Вы мне другое объясните, чего он?

- Скажи Мих, что делает, к примеру, медведица, когда рядом с выводком почует человека?

- Известно что. Не завидую я тому человеку. Да и не только ему. Даже орку скажу, лучше бы панихиду себе сразу заказывал. Медведь он и так зверь сильный, а когда отступить возможности нет, потому что дети за спиной, еще более распаляется.

- Так и с человеком. Знаешь, Мих, не так сильно мы ушли от зверей. Когда Аристов почувствовал, что его сыну может угрожать опасность, то был готов на крайние меры.

- Разве вы сына его обидеть хотели?

- Нет, что ты. Просто Павел Мстиславович подумал, что я могу захотеть.

- Господин, вы простите меня, но манера говорить у вас дурная. Подобно девке молодой, что вокруг вымени вьется, и так ущипнет, и так надавит, а корова не доится.

- Интересное сравнение, - усмехнулся Меркулов. - Ты, Мих, поэзией не хочешь заняться? - Получив сердитое и отрицательное мотание головой, он продолжил. - Ладно. Дело в том, что

Аристов-младший и есть тот виновник, что сжег склад с похищенными и уже найденными вещами.

- Так он и есть Черный? А что же мы уезжаем? За подмогой? Как же мальчишка так потешно двигаться мог? И от пуль уходил? Магия?

- Подожди, подожди, - успокоил разволновавшегося орчука титулярный советник. - С чего ты решил, что Черный это и есть Аристов-младший? Черный нанял, если так можно выразиться, паренька для пожара. Хотя думаю, что наш недруг здесь лишь простой инструмент. Все ниточки у человека в полицмейстерстве.

- Зачем же это делать было?

- Нужен был пожар такой силы, после которого можно было сказать, что нечто, находившееся там, уничтожено. То есть теперь мы знаем, что святыня, которую все так ищут, может гореть. Перу во многом повезло, оно было вдалеке от эпицентра, хотя думаю, его расположение тоже неслучайно. Необходим был сильный жар, чтобы бриллианты превратились в графит. Получить подобную температуру возможно, но в специальных условиях, и все это будет достаточно трудоемко. А тут какой-то деревянный склад вдруг полыхнул, да так сильно. Понятно, на кого в первую очередь подумают.

- Не проще ли умыкнуть, и дело с концом?

- Нет, если ты снова украдешь украденное, то его будут искать. А если инсценируешь пожар, в котором уничтожишь святыню, то вроде и кончено все. Черного будут искать, но, скорее, по привычке и из-за того, что кого-то найти надо - все же сам великий князь и обер-полицмейстер в том заинтересованы.

- Но ведь всех Аристовых тогда проверили, не могли они устроить пожар?

- Так и проверили только тех, кто официально мог магией обладать. Ключевое слово здесь, Мих, официально! То бишь после совершеннолетия. Помнишь, что Аристов сказал после выхода сына у великого князя? Сам проговорился, что четырнадцать отпрыску скоро, магия начала уже в тело входить. В это время дар может весьма бурно себя проявлять. На него влияют любые эмоции: страх, ненависть, злость. А теперь представь себе мальчишку ночью в деревянном сарае, занимающегося противными закону действиями. Эмоций там была масса.

- А ведь он стыдное безобразие у великого князя устроил из-за целковых, - догадался орчук, - требовал у отца денег.

- Именно, - улыбнулся Меркулов, - грозился даже дар родовой продать! Благо, до того не дошло. Видишь, мотив даже искать не пришлось. Аристов сам был уверен в непричастности своей и детей, но когда увидел перо, все понял. Такое мог сделать только кто-то из его семьи. Он не глупый человек, быстро все сопоставил. Решил сына от греха из Славии увезти, а уже потом разобраться во всем.

- А когда вы ему об том молвили, так испугался.

- Да, что я по его душу приехал. Точнее по сыновью. Говорю же, родители ради детей готовы на многие вещи, что перед ними смерть какого-то чужого человека? Итак, давай подытожим. Некто, назовем его Н.

- Как Николай? - Насторожился Мих.

- В данном случае просто некто. Итак, этот Н. передал Черному подробный план залов музея, то есть помог совершить ограбление. А может быть, и лично участвовал в ограблении. Думаю, и Логофет был убит по его наводке.

- Зачем?

- Чтобы провалить мирные переговоры. Убийство принца дело сложное, а вот Логофет, который ходил один, выдавая себя за обычного аховмедца, тут другое. Скорее всего, по замыслу Н. это могло спровоцировать жителей Матара для разрыва дипломатических связей. Но святыня оказалась слишком важна для аховмедцев.

- Ага, а магия крови?

- Это как раз говорит о том, что они теряют терпение. Если честно, не представляю, на что надеется великий князь. Даже поимка Черного и передача его в руки аховмедцев вряд ли поправит положение.

- Черный теперь хорониться будет.

- Скорее всего, ты прав. Поэтому у нас всего лишь одна вероятность раскрыть это дело - выйти на Н.

- Ну вы загнули. Этот лис так все запутал, век разбирать будем.

- Мысли логически, Мих. У каждого действия есть причина. Почему полицейский, причем, думается, не самый последний, пошел на преступление?

- Мало ли чего ему в голову втемяшило.

- Нет, я вижу тут два основных фактора. Первая - некая обида на государство или Императора, ведь дело идет о предательстве Славии, а не рядовом казнокрадстве или попустительстве. Вторая, и, на мой взгляд, наиболее вероятная - острая нужда. Только как он с Черным связался? Это больше всего покоя не дает.

- Может, это его человек? По особым поручениям.

- Маловероятно, эти аховмедские монеты, потом записи на гоблинарском. Допустим, деньги он использовал, чтобы запутать нас, это вполне вероятно. Но его бумаги? Скорее всего, Черного выделили в помощь Н. для осуществления ограбления и дальнейшей передачи святыни.

- И что же нам делать теперь? Куда не кинь, везде клин, - почесал макушку орчук.

- Поговорим с Большовым. Как мне кажется, следы Н. должны где-то всплыть. Вероятно, он задолжал прежде большую сумму, а теперь вдруг отдал ее.

- Если скажет, - хмуро отозвался Мих.

Он замолчал, потому что они вкатили на Сигаревку, точнее не на сам рынок, а лишь в кварталы, к нему относящиеся. Их тут же обступили ночлежные дома в два, три этажа. Знал орчук, что последнее дело сюда попасть: внутри нары, под ними логовища на двоих, в лучшем случае огороженные рогожей. Спят без всякой подстилки, как есть не раздеваясь, либо на тряпье. Как звери дикие.

И дух тут тяжелый, пахло нестиранной одеждой, грязью, пережаренной картошкой с

прогорклым салом и капустой. Это ведь сегодня еще посвежело, что же тут в духоту полную творилось? Мостовая пошла вниз, потому извозчик натянул поводья, чтобы лошадка не разбежалась, на том ходу и догнал их один оборванец.

- Ради Христа господа, купите свистульку? Сам вырезал, посмотрите как на соловья похожа?

Обернулся орчук, а за ними, чуть прихрамывая на левую ногу, в оборванном тулупе бежит детина. Немалого росту, хотя и худ, если отмыть, то и на лицо не плох, но есть в нем нечто странное – чуждое обычному человеку. Такое только во взгляде и проявляется.

- Постой! – Крикнул Меркулов извозчику. – А сколько стоит свистулька?

- А сколько не жалко, добрый господин. Мне и двух копеек хватит.

- На что ж тебе?

- Камешки я цветные покупаю, дырки в них делаю, на лесу начинаю. Все денег стоит, господин, – серьезно заявил незнакомец.

И тут Мих единственно что по лбу себя не хлопнул. Знал он этого юродивого, точнее слышал – Бусиновым его нарекли. Ходила молва о нем до самой Никольской. Откуда появился, кто таков – не рассказывал, а прославился вот чем. Каждое воскресенье, после службы, становился возле церкви да раздавал детям сделанные за неделю бусы. Говорят, улыбался, плакал и благословлял всех.

Мужицкая жизнь тяжелая, многого требующая, потому такое вот, странное, непонятное, в общую канву не укладывающееся, крепко запоминается. Бусиновом среди простого люда знали, иной раз кто и приходил в храм Николая Чудотворца посмотреть на чудного. А в самой Сигаревке на юродивого особый указ был – никто, в том числе залетные, не имели права его обижать.

- На что же ты живешь?

- Добрые люди помогают, там подкормят, здесь приютят.

Меркулов вытащил пятиалтынный и протянул Бусинному. Тот заулыбался, как душевно недужный, схватил монету и стал кланяться.

- Спасибо господин, много камешков теперь куплю. Спасибо.

Лошадь пошла дальше, оставив позади радостного юродивого. А господин повернулся к орчуку.

- Давно я заметил одну странную вещь. Чем умнее человек, образованнее, тем он несчастнее. Странно, неправда ли? Но самые богатые и высокородные господа более удрученные, чем обычный мужик. У последнего какие радости? Денег найти хоть немного, чтобы положение свое облегчить. А жена добрая, дети, отца уважающие, друзья-соседи – все есть. Иного и не требуется. Но найди он случайно рубль, совершенно на него не рассчитывая, принесет домой или пропьет – уж и не важно – так каждый раз теперь ходить будет, искать в каждой бумажке замусоренной или еще где, расстраиваться. А ведь жил до того вполне неплохо.

- А чем же образованные люди голову свою недужат? – Спросил орчук.

- Это вопрос непростой, метафизический, – усмехнулся Меркулов, – если образованный до

знаний голодный, то это даже неплохо. У него есть цель, неважно, плохая или хорошая, он к ней идет. Если же он скучающий, кончивший лицей или университет, но из богатых, то все, к чему не прикоснется, покрывается хандрой. Кажется ему, что любую вещь этот грамотей для себя открыл, все ему скучно.

- Не знаю, мне тяжело такое понять. Когда разбогатею, тогда и покумекаю, - усмехнулся орчук, но лишь на мгновение, точно испугался, - а если заскучаешь, чего делать надо?

- Радоваться мелочам, всякой пустяковине. Открывать для себя мир, который ты за несколько жизней открыть не сможешь. Жизнь, она человеку одна дается. И каков бы богат ты не был, перед смертью все равны, перед ней не откупишься.

- Да, жить надо уметь.

- Надо просто жить, - слишком серьезным тоном ответил Меркулов.

- И платить надо, господин, - повернулся извозчик, - жить и платить. Приехали.

Вылез Мих на мостовую, тут же вступив в нечто гадкое, выругался да вытер сапог о выступавший на дороге камень. Огляделся. Место уж совсем невзрачное: мостовая узкая, дома напротив высокие, от солнца дорогу закрывающие. И вокруг ни души, будто не живет тут никто. Хотя может статься, что сейчас ушли все на заработки или отсыпаются, оттого так пустынно.

- А какой из этих домов? - Задумчиво спросил Меркулов извозчика.

- Вон в ту арку, - указал ванька в темноту проема.

Какой-то глупый человек решил, что солнца в этом темном царстве и так вдоволь, потому проход за аркой сверху укрыл диким виноградом. Ягоды синие, мелкие, такие обычно кислыми бывают, но свою главную задачу вьюн выполнил - заполонил собою все пространство сверху, отчего ясным днем тут было темно, как поздним вечером.

Нахмурился орчук: в Сигаревке, да ступать в место, где и не различишь ничего - дурной тон. Тут баб с тюками днем, бывает, грабят, а уж про срезанные в ночи пальцы с перстнями он вовсе молчит. Единственная надежда на прыть Меркуловскую.

Господин же не волновался. Спокойно махнул орчуку и ступил в арку. Мих за ним последовал, только недолго. И шагов десять не прошел, как коснулась шеи холодная сталь и хриплый голос прошелестел над самым ухом.

- И куда такие красивые господа из полицмейстерства собрались?

Орчук надеялся, что сейчас кинется Витольд Львович да вмиг отбросит прочь его обидчика, но чуть подальше раздался другой голос, к слову, не менее мерзкий.

- Ага, мы сегодня крысам легавым не подаем!

- Спокойнее, спокойнее, я к господину Большову. По протекции Павла Мстиславовича Аристова.

То ли загадочное слово «протекция» свое дело сделало, то ли фамилия рыжего дворянина, но нож от горла убрался.

- Здесь ждите, - сказал третий, остававшийся еще дальше. - Доложить надо.

И ушел, судя по стуку каблуков. А они остались. Будто делать еще чего оставалось? Теперь только ждать.

<http://tl.rulate.ru/book/9351/185594>